

Дьячок Н. В.,

Горловский государственный пединститут иностранных языков

КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ “ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ” ДЛЯ НОМИНАТЕМ ТИПА “СЛОВСОЧЕТАНИЕ + ЭЛЛИПТИЧЕСКИЙ УНИВЕРБ”

У статті запропоновано визначення параметрів ономасіологічного моделювання універбів як вербальних реалізацій номінатем типу “словосполучення + еліптичний універб”. Надано дефініції понять “клас референтів”, “ономасіологічний базис”, “ономасіологічна ознака”. Продемонстровано типи ономасіологічних моделей універбів досліджуваного типу. Зроблено висновки про особливості ономасіологічного моделювання.

Ключові слова: номінатема, універб, ономасіологічна модель, ономасіологічний базис, ономасіологічна ознака, клас референтів.

The article deals with definition of onomasiological models' parameters of “word-combination + univerb” nominathemas. The definitions of different notions such as “class of referents”, “onomasiological base”, “onomasiological sign” are given. Types of univerbs' onomasiological models are demonstrated. Conclusions as for onomasiological models' peculiarities are done.

Key words: nominathema, univerb, onomasiological model, onomasiological base, class of referents.

В статті пропонується визначення параметрів ономасіологічного моделювання універбів як вербальних реалізацій номінатем типу “словосочетание + эллиптический универб”. Даны дефиниции понятий “класс референтов”, “ономасіологічний базис”, “ономасіологічний признак”. Демонструються типи ономасіологічних моделей універбів досліджуваного типу. Делаются выводы об особенностях ономасіологічного моделювання.

Ключевые слова: номінатема, універб, ономасіологіческая модель, ономасіологіческий базис, ономасіологіческий признак, класс референтов.

Целью данной статьи является определение основных ономасіологіческих понятий в контексте исследования номинатем типа “словосочетание + эллиптический универб”.

Номинатема, по мнению В.И. Теркулова, – это некая абстрактная языковая единица, реализующаяся в вербальных формах (глоссах, вариантах), причем в данном конкретном случае вариантами одной номинатемы выступают словосочетание и семантически и грамматически тождественное ему слово, стилистически отличающееся от эквивалентного словосочетания чертами разговорности, сленговости, например *капитальный ремонт и капиталка, коммунальная квартира и коммуналка, дочь царя и царевна, настойка валерианы и валерьянка, что-либо объемом триста единиц и трехсотка, заметка информационного характера и информашка*.

Мы рассматриваем каждый отдельный универб как универбализованный (вербальный) эквивалент словосочетания, “то есть слово, которое возникло в результате словесной интерпретации словосочетания, имеет абсолютно тождественные словосочетанию лексическое и грамматическое значение и синтаксическую функцию” [8, с. 134], а данная словесная интерпретация возникла благодаря процессу эллиптической универбации. В целом же каждая конкретная исследуемая нами единица носит название номинатема типа “словосочетание+ универб”, входит в разряд структурных разновидностей номинатемы с доминантой-словосочетанием, то есть является семантически тождественной единицей, которая отождествляется на уровне словосочетания.

Традиционный подход предполагает изучение универбов в аспекте дериватологии. Лингвистическая мысль относит ряд образований типа *генералка (генеральная репетиция), прогрессивка (прогрессивная зарплата), зачетка (зачетная книжка), генеральша (жена генерала)* к компрессивному словообразованию (Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова, В.В. Лопатин, Н.Я. Янко-Триницкая), считают результатом вторичной номинации (А.А. Брагина), либо рассматривают их как проявление “общего закона утраты формальной и семантической расчлененности наименования” [7, с. 42], либо называют суффиксальными универбами (Л.И. Осипова), либо определяют их как один из случаев “лексической конденсации” [2, с. 121]. И.Г. Милославский, например, видит в данной ситуации процесс синтеза словосочетания в производное слово: “... в ряде случаев семантические структуры словообразовательного и синтаксического наименований при различии собственно языковых значений совпадают” [4, с. 53].

Так или иначе, все ученые, когда-либо занимавшиеся этой проблемой, едины в одном: перед нами явление деривационного характера, хотя тождественность семантики словосочетания и соответствующего ему слова дает нам право предположить, что между словосочетанием и словом реализуются отношения отнюдь не словообразовательные, например: *зачетная книжка и зачетка, бытовое помещение и бытовка, место для оживления – оживалка, жилища, подселенная в одной квартире к кому-то, жившему здесь раньше – подселенка и т.п.*

А.М. Архангельская замечает, что неоднозначность содержания термина ономасіологія на сегодняшний день является очевидной. Ж. Мазуро ономасіологію понимает как науку о выражении идеи. В.М. Никитевич в русле идей Пражской лингвистической школы (прежде всего, В. Матезиуса как основоположника функциональной ономасіологіи) видит ономасіологію как ономотологию, рассматривая ее с точки зрения речевой деятельности. И.С. Торопцев сравнивает ономасіологію с генетическим аспектом словообразования.

Г.С. Щур, опираясь на дихотомию “язык – речь” Ф. де Соссюра, семасіологіческий подход трактует как исследование языка, а ономасіологіческий подход – как речь, так как в его основе лежит принцип инвариантности. Эта точка зрения близка нам; на ней во многом мы будем основывать свои наблюдения.

Таким образом, “предмет ономасіологіи определяется в достаточно широком диапазоне от инвентаризации разных наименований до выяснения закономерностей выражения в языке внеязыкового содержания” [1, с. 21]. И еще: “Выделение в научном познании особенной конгломеративной области – теории номинации, которая

ставит перед собой глобальные задачи изучения соотношения окружающего мира, мышления и языка, исследование номинативной техники, различных способов номинации, самого процесса превращения фактов внеязыковой действительности в наработки системы и структуры языка, и собственно ономазиологии, объектом которой является номинационная система под знаком асимметрии ее единиц в плане выражения и содержания, изучение характера языковых знаков, их номенклатуры, выявление разрядов языковых знаков, которые устанавливаются по разным принципам и на разных основаниях, свидетельствует о том, что обе эти области не являются направлениями исследования одного порядка” [1, с. 21].

С другой стороны, как отмечает Е.А. Селиванова, упомянутые выше области проявляют лингвистические и нелингвистические зоны пересечения, что свидетельствует о “невозможности четкого разграничения исследовательских сфер теории номинации и ономазиологии” [5, с. 11].

Предметом ономазиологии в широком понимании следует считать “не внеязыковую действительность (сферу идей, понятий, которые базаруются на знании денотатов) и не совокупность именованных не зависимо друг от друга, а корреляцию между ними, к тому же в направлении от первого ко второму с точки зрения дихотомии “язык – речь”” [1, с. 21].

В том случае, если центром исследования является язык, а не речь, А.М. Архангельская рассматривает ономазиологию как науку о механизме порождения номинативных единиц разного языкового уровня, о механизме “добывания” номинатором формы для выражения определенного значения в процессе номинации и механизмы номинационных трансформаций исходной формы содержания номинанта с целью выражения определенной идеи.

Так, ономазиологией принято считать “раздел лингвистической семантики, объектом которого являются номинативные структуры языковых знаков, а предметом – их проекция на значение и структуры знаний об обозначаемом” [6, с. 513].

Ономазиологическим подходом к исследованию единиц языка является такой, который рассматривает содержательную сторону этих единиц “не с точки зрения формирования их внутрисистемных значимостей и механизма семантического распространения слов и словосочетаний, а с точки зрения предметной направленности, то есть соотносительности языковых единиц с внеязыковым предметным рядом как средства обозначения, именованного последнего” [3, с. 346].

Знание понятий ономазиологии может способствовать правильному формированию ономазиологических моделей номинативных единиц исследуемого типа и более полному анализу ономазиологических особенностей этих единиц.

Следует заметить, пользуясь терминологической системой А.М. Архангельской, что “в момент своего появления каждый номинант (имя объекта, подвергшегося номинации – Н. Д.) как результат осознанной необходимости является мотивированным, поскольку в акте закрепления за номинатом (объектом, который подвергается номинации – Н. Д.) имени ведущей является ассоциация” [1, с. 25]. В связи с этим с точки зрения ономазиологии понятие мотивации целесообразно рассматривать в широком плане, поскольку в данном случае важно выяснить не только факт предпочтения номинатором какого-то конкретного исходного знака в процессе номинации, но и факт гипотетического наличия или отсутствия определенных трансформаций исходного знака для выражения необходимого содержания (формы нового содержания), что было бы релевантным номинационной и прагматической интенции номинатора.

Принимая мнение А.М. Архангельской относительно внутренней формы как способа мотивации, а мотивации как процесса, мы видим мотивацию в широком понимании как структурную субстанцию, общую для явлений (актов) номинации и словообразования, различных по сложности.

Внутренняя форма, понимаемая как “пучок ассоциаций”, оказывается в центре процесса получения номинатом имени (процесса появления номинанта). Акт номинации в таком понимании представляет собой своеобразную проекцию пучка ассоциаций (признаков обозначаемого, выделенных номинатором) на определенные сферы отождествления значения, а посредством их – на способы языкового обозначения. Таким образом внутренняя форма “объединяет две стадии акта номинации – довербальную, которая сопровождает идеальный образ предмета, и вербальную, которая завершается выбором имени” [1, с. 26].

Итак, понимая мотивацию как процесс, внутреннюю форму как способ мотивации, ассоциативный мотив как результат движения человеческой мысли от объекта внеязыковой действительности к языковой форме, которая становится его именем, А.М. Архангельская вводит в лингвистический обиход понятие “*протомотивационной структуры номинанта*” (выделено автором – Н. Д.), которая будет включать номинант в определенную ономазиологическую категорию” [1, с. 26].

Ономазиологическая категория номинативной единицы – это “интегрирующий признак совокупности номинативных единиц языка, что характеризует регулярный, одинаковый механизм их создания, который отвечает определенной общности семантики, категориально-понятийного значения и частеречного статуса” [6, с. 512].

Протомотивационная структура номинанта базируется на представлениях о номинанте как об элементе определенного понятийного класса и реализуется в следующих субстанциях, предложенных А.М. Архангельской: в мотивате (категориальном репрезентанте номинанта), в мотиванте (ассоциативном мотиве, ведущем признаке или признаках номинанта).

Ономазиологические структуры, согласно мнению М. Докуклила, являются основными мыслительными структурами, которые имеют в определенном языке свое категориальное (изоморфное) выражение, которое отвечает способам номинации этого языка.

Так, ономазиологическая структура номинативной единицы – это “номинативная структура языкового знака, результат мотивации как лингвопсихоментальной операции” [6, с. 512], которая объединяет формальную и семантическую связь мотиватора и мотивированного.

Понятия ономаσιологической категории и ономаσιологической структуры разработаны наиболее полно в словообразовании и позволяют описывать “акт номинации словообразовательного порядка как состоящий в подведении обозначаемого под определенную ономаσιологическую категорию (предметности, процессуальности или признаковости и их разновидностей) и потому связанный прежде всего с оформлением ономаσιологического базиса будущего наименования” [3, с. 346].

Поскольку вербальный дублет номинатемы исследуемого типа – универб – по своей структуре является имитацией результата словообразовательного акта, вышеуказанные понятия могут быть применены по отношению к нему.

Ономаσιологическая модель – это схема формирования номинативных единиц и их реализаций – результатов, соответственно, языковой и речевой номинации. Как было указано в одном из предыдущих подразделов, Е.А. Селиванова определяет ономаσιологическую модель на основании следующих признаков:

- 1) общего смысла ономаσιологического базиса (формантной структуры);
- 2) конкретного содержания двух или более ономаσιологических признаков (отсылочной части);
- 3) их валентного потенциала и смысловой связи;
- 4) типа отношений между базисом и признаком.

А.М. Архангельская предлагает построение некоей универсальной ономаσιологической модели, которая “проявила бы основные этапы движения мысли номинатора (того, кто осуществляет номинацию, называет – Н. Д.) в процессе присвоения номинату (тому, кто / что подвергается номинации, именуется, называется – Н. Д.) имени в сфере как ментальной (понятийные сферы; сумма знаний об этом классе предметов – сферы смыслов; протомотивационные сферы отождествления этих смыслов), так и лингвальной (языковые средства, приемлемые и оправданные с целью вербализации определенного внеязыкового факта действительности), и сложные взаимодействия ментальной и лингвальной сфер в номинационном акте” [1, с. 24]. Так, следуя мнению А.М. Архангельской, речь можно вести о двух сторонах механизма номинации в их взаимодействии: 1) о той, которая обращена к внеязыковой действительности; 2) о той, которая обращена внутрь языковой системы, которая представляет собой собственно языковую компетенцию номинатора.

Напомним, что вслед за М. Докулилом В.И. Теркулов определяет структуру ономаσιологической модели как двучленную, которая включает ономаσιологический базис, эквивалентный архисеме главного компонента исходной конструкции, и ономаσιологический признак, эквивалентный семантическому множителю главного компонента исходной конструкции, актуализированному в ее зависимом компоненте.

В.И. Теркулов отмечает, что классификация, настроенная на описание формирования “чистой” номинативной семантики, требует установления механизма создания ономаσιологической структуры его значения, включающей (по М. Докудилу):

- а) ономаσιологический базис, который указывает на определенный понятийный класс – родовое понятие (например, “процесс”), к которому отнесено наименование;
- б) ономаσιологический признак, который указывает на видовую характеристику, определяющую референт внутри класса (например, для названий действий – направление, производитель, статус и т.п.).

“Данная структура получила в науке название ономаσιологической модели” [9, с. 217].

Следует отметить, что в универбах исследуемого типа ономаσιологический базис формируется на основе семантики главного слова эквивалентного словосочетания, а ономаσιологический признак – на основе семантики зависимого слова. Например, [фабрика (базис)] + [по производству трикотажных изделий (признак)], *трикотажка – трикотажная фабрика*; [войска (базис)] + [федеральные (признак)], *федералы – федеральные войска*; [специалист (базис)] + [по компьютерам (признак)], *компьютерщик – специалист по компьютерам*.

В нашем случае ономаσιологическая модель конкретного эллиптического универба практически повторяет ономаσιологическую модель исходного словосочетания.

Таким образом, структура ономаσιологической модели видится в соединении ономаσιологического базиса и ономаσιологического признака с необходимыми дополнениями в разных конкретных случаях. Общий вид ономаσιологической модели таков: **[ономаσιологический базис] + [ономаσιологический признак]**.

Ономаσιологический базис как идентифицирующий член вышезаявленной двучленной структуры представляет собой явление внеязыковой действительности, включаемое номинатором в процессе номинации в состав определенного понятийного класса, который имеет в языке категориальное выражение. Ономаσιологический признак как дифференцирующий член этой структуры представляет собой то же явление внеязыковой действительности, которое в составе этого определенного понятийного класса определяется конкретным признаком.

Ономаσιологический базис и ономаσιологический признак являются “теми основными векторами движения мысли номинатора, которые определяют его деятельность на пути получения номинатом имени. В разных типах номинантов эти векторы только по-разному актуализируются благодаря влиянию номинационной и прагматической интенции субъекта именованного” [1, с. 28].

М. Докулил считает, что ономаσιологический базис как констатация включения какого-либо явления внеязыковой действительности в определенный понятийный класс, который имеет категориальное выражение, является простым. Возможные отличия касаются только различной степени обобщения. Ученый замечает, что факт внеязыковой действительности, который должен получить имя, относится к определенной ономаσιологической категории и оформляется соответствующим образом в ее границах и как элемент определенной части речи, и как элемент определенного семантического разряда.

В сфере универбов исследуемого типа ономаσιологический базис действительно является простым: грамматический и семантический показатели (аффикс, отождествляемый в данном случае с ономаσιологическим базисом, прежде всего семантический модификатор) интегрируют, совмещаясь в едином репрезентанте класса, к

котрому относится конкретный универб. Например, в универбах *заочка* (*факультет заочного обучения*), *массажировать* (*делать массаж*), *кенгуренок* (*детеныш кенгуру*) каждый конкретный суффикс (-к-, -(ир)ова-, -енок-) являются одновременно и грамматическим, и семантическим классификационным показателем.

Здесь следует подчеркнуть, что ономаσιологическим базисом, как правило, является аффикс, а ономаσιологическим признаком является основа, в нашем случае омонимичная производящей.

В отличие от ономаσιологического базиса, который является неизменной величиной, ономаσιологический признак является величиной изменяемой, которая призвана конкретизировать или уточнять ономаσιологический базис. По мнению М. Докулила, ономаσιологический признак может быть как простым, так и сложным. Данная градация целесообразна с точки зрения структуры основы, омонимичной производящей.

Простой ономаσιологический признак внутри категории субстанции является признаком или качеством, действием. Сложный (составной) ономаσιологический признак, согласно М. Докулилу, имеет двойную структуру; он может быть развит признаком действия или деятельности (пациенсом, результатом, местом, временем, способом, мерой и т.д.). Кроме этого, ономаσιологический признак может иметь и развернутую структуру, например: *шестидесятник – представитель интеллигенции шестидесятых годов XX в., периода хрущевской оттепели; пятидесятник – в стрелецком или казачьем войске возглавляющий отряд в пятьдесят человек.*

Таким образом, типология ономаσιологических моделей представляет собой базу для правильного формирования и описания ономаσιологической категории исследуемых единиц, с одной стороны, и трактовки ономаσιологической структуры, с другой.

Литература:

1. Архангельська А. М. До питання про засади побудови загальної ономасіологічної моделі номінації // Мовознавство. – 2007. – № 4-5. – С. 20-35.
2. Кудрявцева Л.А. Моделирование динамики словарного состава языка. – Киев : Киевский университет, 2004. – 208 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
4. Милославский И. Г. Синтез словосочетания и производного слова // Вопросы языкознания. – 1977. – № 5. – С. 53-61.
5. Селиванова Е. А. Когнитивная ономаσιология / Елена Александровна Селиванова. – К. : Фитосоциоцентр, 2000.
6. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / Олена Олександрівна Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.
7. Сидоренко О. М. Про поняття універбізації в сучасному слов'янському мовознавстві // Мовознавство. – 1992. – № 4. – С. 42-47.
8. Теркулов В. И. Еще раз об основной единице языка // Вісник Луганського національного університету ім. Т. Г. Шевченка. – Луганськ, 2006. – № 11 (106). – С. 127-136.
9. Теркулов В. И., Блюмина О. В. Основы ономаσιологической классификации русских и украинских композитов со значением “процессуальность” // Славянские языки : единицы, категории, ценностные константы. – Волгоград : ВГУ, 2010. – С. 216-231.
10. Dokulil M. Tvoreni slov v sel'tine. I. Teorie odvozovani slov. Praha : CAV, 1962. 263 s.